

СПЕЦНАЗ ГРУ

СТАЛЬНАЯ
УЛИКА

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Стальная улика

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Стальная улика / С. В. Самаров — «Эксмо», 2022 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-168517-1

Ударные военные романы, написанные ветераном спецназа ГРУ. Тот, кто напал на капитана спецназа Владимира Варфоломеева в темном переулке, знал, на что идет. Офицер оказался начеку: бандит получил достойный отпор и трусливо отступил. Однако в этот же вечер Варфоломеев был арестован по подозрению... в убийстве нападавшего. На ноже, которым тот был убит, оказались отпечатки пальцев Владимира. Ни унижительный допрос в райотделе полиции, ни подозрительное стечение обстоятельств не сломили спецназовца. Он решил самостоятельно выяснить, кто пытался его убить и не связано ли это происшествие с его недавней неудачной командировкой на Кавказ... Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами — такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168517-1

© Самаров С. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Старший лейтенант Сергеев. Новое назначение	13
Глава вторая. Старший лейтенант Варфоломеев. Человек-оружие во плоти	20
Глава третья. Старший лейтенант Варфоломеев. Новое обвинение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Самаров

Стальная улика

© Самаров С.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

– Товарищ старший лейтенант, у нас же, – рядовой Звягинцев посмотрел на наручные часы, – последние сутки командировки пошли.

– Ну и что? Я знаю. И всегда, кстати, знал, что последние сутки командировки когда-то должны наступить. Ничего бессрочного не бывает. Все в этом мире имеет свое начало и свой конец.

– Через двадцать три часа сорок пять минут будет ровно шесть месяцев, как мы в Дагестане. Конец командировки.

Старший лейтенант Сергеев тоже посмотрел на свои часы, предварительно, как и солдат, отодрав с них липкую ленту, а потом наклеив ее снова.

– У твоих часов двух камней не хватает.

– Это почему? – не понял рядовой. Видимо, не был знаком с этой расхожей шуткой.

– На один камень часы положить, а другим сверху ударить. Они у тебя на четыре минуты вперед бегут. В боевой обстановке неточное время может тебя когда-нибудь подвести. Или, что еще хуже, ты сам можешь подвести кого-нибудь, кого должен будешь выручить в строго назначенный момент.

– Понял. Часы постараюсь сменить. А что с командировкой?

– А ты что хочешь, в самом начале боя бросить дурную привычку стрелять в бандитов и пешим маршем, под боевые бравурные песни возвращаться в военный городок? Бандиты, думаю, тебе «громадное спасибо» за такое нововведение в армии скажут.

– Так что, до конца будем операцию проводить?

Солдату, видимо, нужно было все разжевывать и в рот класть. Бывают такие особо одаренные люди, и они встречались Сергею Николаевичу.

– Долго тебе суть объяснять придется... – отмахнулся Сергеев и дал короткую отсеченную очередь из автомата в неудачно высунувшуюся из-за камня голову бандита.

Сам бандит, видимо, думал, что он высунулся удачно, потому что желал посмотреть вперед не над скрывавшим его камнем, а сбоку в самом низу, рядом с землей, и надеялся остаться невидимым в вечернем сумраке. Но он, видимо, не знал, что спецназовцы имеют на автоматах прицел «Шахин», снабженный тепловизором, улавливающим все теплокровные тела и делающим из них превосходную мишень. И хотя бандит, надо полагать, думал высунуть голову только на пару секунд, но, всматриваясь в темноту, задержался дольше. И Сергей Николаевич успел послать в его голову две пули. Возможно, и еще кто-то из бойцов стрелял по той же мишени. Один фонтанчик земли рядом с этой любопытной головой командир взвода увидел. Такой фонтанчик поднимается, когда в землю попадает пуля. А в отсеченной очереди автомата «АК-12» два патрона. Но второго фонтанчика не было. По крайней мере, старший лейтенант его не заметил. Следовательно, логично было предположить, что вторая пуля цель нашла и в голове бандита вместо двух пулевых отверстий имеются три. Но это было не суть важно, главное, что бандит убит. Сергеева беспокоило то, что голова вдруг резко пропала, вместо того чтобы обессиленно упасть рядом с камнем. Значит, за камнем прятался еще кто-то, и он за ноги дернул на себя тело убитого, чтобы не мешало вести бой. А возможно, за камнем остались даже два бандита. Потому что одному так резко втащить тело в непростреливаемую зону сложно. Тем более размеры камня позволяли за ним спрятаться не только двоим, но и троим, и даже, возможно, четверым, хотя такое количество бандитов, спрятавшихся за одним камнем, маловероятно. Тогда чьи-то ноги наверняка выставлялись бы из-за камня и могли бы служить мишенью для бойцов взвода, расположившихся левее старшего лейтенанта. Особенно для снайпера сержанта Алексея Нассонова, который не любит упускать свою добычу. А стреляет Нассонов из крупнокалиберной дальнобойной винтовки «Корд», способной при попада-

нии в корпус человека сбоку разрубать тело пополам. Там же, рядом со снайпером, разместился заместитель командира взвода старшина контрактной службы Сережа Кондратенко, который тоже не большой любитель оставлять бандитов в живых. А чуть ближе к командиру выбрал себе позицию командир второго отделения младший сержант Цыремпил Доржиев, сын и внук пастухов и охотников, который спал с охотничьим карабином еще в детской люльке, а сейчас был лучшим стрелком бригады спецназа военной разведки.

Зная, как умеет стрелять Цыремпил, старший лейтенант отдал команду по средствам связи:

– Напротив меня большой валун. Всем видно? Он у правой скалы у входа в ущелье.

– Видим, товарищ старший лейтенант... Видим... – ответил нестройный хор голосов в наушниках, интегрированных со шлемом.

– Насонов, посмотри, может кто-то конечность вытянул. Доржиев, поддержи снайпера.

– Есть посмотреть... – отозвался снайпер.

– Есть поддержать... – ответил командир второго отделения.

Старший лейтенант и сам перевел ствол автомата в верхнюю часть камня, чтобы видеть в прицел пространство за ним, и заметил краем глаза, как сделал то же самое рядовой Звягинцев. По крайней мере, так Сергеев понял короткое движение его ствола. При этом сам Сергеев мысленно не забывал отсчитывать пресловутые секунды до выстрела снайпера. Вообще-то, снайперу отводится на прицеливание три секунды. Но Сергей Николаевич уже довел счет до четырех, когда понял, что сержанту Насонову требуется еще найти ту конечность, если, конечно, она будет высовываться из-за камня.

– Что там, Насонов? – спросил Сергеев, поторапливая снайпера, неторопливого и невозмутимого по жизни человека, то есть такого, каким снайпер и должен быть в идеале.

Но сержант не ответил. Вместо него прогрохотала винтовка «Корд», звук от выстрела которой прокатился по ущелью грозным эхом, заглушившим лязганье затвора автомата младшего сержанта Доржиева. А сам старший лейтенант Сергеев, наблюдая за камнем, успел заметить, как из-за него откинулся на спину бандит с оторванной ниже колена правой ногой, зажимающий остаток ноги двумя руками, но жил он недолго, потому что на неприкрытой бронжилетом груди бандита взметнулись два кровавых фонтанчика – это стрелял командир второго отделения, а следом и еще несколько точно таких же фонтанчиков взметнулись рядом на его груди и на голове. На сей раз стрелял рядовой Звягинцев из соседнего с командирским окопа.

Сам Сергеев не стрелял, как и другие бойцы взвода, полагаясь на умение Насонова и Доржиева. В это время прозвучал второй выстрел «Корда». Зная точность стрельбы Насонова, Сергеев не сомневался, что еще одним бандитом стало меньше. Старший лейтенант поднес к глазам бинокль – все-таки тепловизор бинокля, хотя и не дает такого приближения, как прицел, однако имеет больший угол обзора и позволяет увидеть, где лежит убитый снайпером бандит, если только он не упал за камень сам или его до этого камня не дотащили сообщники. Но найти убитого старший лейтенант Сергеев не успел.

– Товарищ старший лейтенант, – торопливо сказал по связи старшина контрактной службы Кондратенко. – Насонов, кажется, ихнего эмира «снял». Эмир на открытое место выскочил, ножом стал размахивать и что-то кричать на родном языке. Я не сумел толком разобрать, что именно. Язык еще плохо знаю. Да в тепловизоре многое еще смещается. Расплывается лицо, короче...

Сергеев знал, что Кондратенко умеет читать речь по губам. И еще командир взвода знал, что старшина изучает арабский язык. Выбор языка Сергеев одобрял и был даже рад, что Сергей Кондратенко изучает арабский, потому что большинство бандитов общались между собой именно на нем.

– Что-то, тем не менее, понял?

– Понял, что он в рукопашку пойти всех зовет, пока их поодиночке не «перещелкали». Последнее слово он по-русски произнес. Я правильно понял...

Старший лейтенант Сергеев прикинул силы. У него во взводе было двадцать семь бойцов, не считая его самого. Бандитов, учитывая их потери, осталось около тридцати человек. Силы почти равны, но спецназ военной разведки имеет преимущество, во-первых, за счет значительного уменьшения количества противников во время сближения, то есть во время атаки банды, а во-вторых, за счет тренированности в рукопашке, которую бойцы особенно любят, как прикладную систему, дающую им некоторые навыки, которые могут пригодиться и в гражданской жизни, то есть после окончания службы.

– Внимание всем! – сказал Сергей Николаевич в микрофон. – Бандиты готовятся к прорыву. Наша задача – не допустить прорыва. Ни один человек не должен пройти дальше нашей цепи. Начинаем стрелять, как только поднимутся. Необходимо максимально уменьшить общее количество бандитов. Дальше – всем приготовить МСЛ¹. Вступаем в рукопашный бой. Не забывайте помогать друг другу... Это не тренировка с резиновыми ножами и лопатками.

Старший лейтенант и сам вытащил свою малую саперную лопатку и подушечкой большого пальца проверил боковую грань на остроту. Лопатку он всегда оттачивал сам, никому не доверяя ее заточку, хотя знал, что многие командиры взводов передоверяют эту работу своим заместителям, а те уже, в свою очередь, – солдатам, не забывая их предупредить, что лопатка командира взвода. Так, считалось, повышается ответственность бойца. Но о какой можно говорить ответственности, если, скажем, лопатка сегодня уже использовалась – старший лейтенант Сергеев рыл ею для себя окоп. Поэтому он и проверил на остроту только боковые грани, не проверяя грань штыковую, хорошо понимая, что бить лопаткой, как штыком, сегодня не следует. Использовать ее можно преимущественно как боевой топор. В умелых руках, если вкладывать в удар всю силу, МСЛ прорубает традиционный шлем, который с близкого расстояния не берет даже пушечная пуля.

Сергей Николаевич положил лопатку перед собой на бруствер окопа, чтобы при необходимости можно было взять ее и выскочить наружу. Рядом с лопаткой он пристроил пистолет, чтобы и его пустить в действие в случае необходимости. А пока, в ожидании атаки бандитов, взялся за автомат.

Бандиты не заставили себя долго ждать. Нашелся, видимо, человек, который вместо убитого эмира взял на себя общее командование. Но сам пока не показывался, командовал из-за камня. Из этого старший лейтенант сделал вывод, что заместитель эмира или излишне бережно относится к своему брэнному телу, или же бережет от пули кого-то другого, важного для себя человека. Но этот вопрос Сергея Николаевича пока мало волновал.

Прозвучала команда, и банда поднялась в атаку. Бандиты бежали вперед несколькими кучками, видимо, как прятались за большими камнями, так и не успели рассредоточиться, или же сыграл свою роль стадный инстинкт. Когда-то давно, еще в военном училище, преподаватель по тактике объяснял значение этого инстинкта. Стадо быков, на которое нападает лев, стремится сбиться в кучу, но не потому, что так удобнее защищаться, а потому, что в каждом живом теле существует надежда, что зверь нападет на соседа, а не на него. Точно так же порой ведут себя плохо подготовленные вооруженные формирования. Бойцы, подобно быкам, сбиваются в кучи, вместо того чтобы рассредоточиться, и так атакуют...

Сергеев выбрал кучу бандитов, что была к его окопу ближе, и стал посылать в нее очередь за очередью. То же самое, как успел заметить старший лейтенант, делал и рядовой Звягинцев, и другой рядовой, что расположил свой окоп слева от командира взвода. Три автомата быстро

¹ МСЛ – малая саперная лопатка. Традиционное оружие спецназа, сочетающее в себе и топор, и нож, и штык одновременно. В спецназе военной разведки даже изучают отдельную дисциплину – «фехтование на саперных лопатках». Обычно лопатка носится в специальном чехле за спиной бойца и в случае необходимости легко достается одним движением руки.

закончили работу и переключились на соседнюю кучку бандитов, что тоже бежала почти в их сторону. При этом сами бандиты не имели возможности определить, откуда в них стреляют, и хотя бы приблизительно назвать общее количество обороняющихся, поскольку самих выстрелов слышно не было за сплошным лязганьем затворов, а глушители добротнo выполняли функцию пламегасителей.

Атака банды была истеричной и плохо подготовленной, и было неясно, почему банда не отступила и просто не ушла на сопредельную территорию Грузии, в район компактного проживания чеченцев-кистинцев, откуда пришла, или хотя бы на территорию соседнего Азербайджана, откуда иногда приходят другие банды. Могло быть что угодно – и перекрытие пограничниками возможных путей отхода, и категоричный приказ прорваться в глубину Дагестана, чего бы это ни стоило. А ведь бандиты даже не знали количество своего противника. Они только могли предположить, что выход из ущелья перекрывается ограниченными силами нескольких бойцов, скажем, одного рассредоточившегося широко отделения. И это отделение усилено антиматериальной² снайперской винтовкой «Корд». А винтовку они просто мечтали захватить. Банде, имеющей на своем вооружении антиматериальную винтовку «Корд», сам черт не страшен.

Пошел ли вместе со всеми в наступление новый эмир, Сергеев не знал. Но это его мало интересовало. У него была задача – не пропустить в глубину Дагестана ни одного бандита, и эту задачу он должен был выполнить.

Бандиты не осознавали того, что несли большие потери и им грозит полное уничтожение. Попросту не видели этого, потому что не имели тепловизоров. До окопов отдельного взвода спецназа военной разведки едва-едва добежала только четверть всей банды. А уже около самих окопов группу накрыл гранатомет, сваливший на крутой склон, который они только что преодолели, еще четверых бандитов.

Старший лейтенант услышал, как гранатометчик сказал в микрофон своего шлема:

– Все быстро залегли. Я их гранатой накрою... Кто не спрятался, я не виноват!

До этого момента он сидел в своем окопе и вместе со своим вторым номером ремонтировал гранатометный прицел, слегка поврежденный шальной бандитской пулей. Он еще не сделал по бандитам ни одного выстрела, потому они, наверное, и подумали о слабости заслона.

– Завершил ремонт? – строго спросил Сергеев.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Без прицела стрелял. Прямой наводкой. На ремонт еще полчаса требуется, – браво ответил гранатометчик.

Сергей Николаевич ничего не сказал, он с лопаткой в правой руке и с пистолетом в левой первым бросился к четверке оставшихся на ногах бандитов. Они после крутого подъема, который им пришлось преодолеть, дышали тяжело. И Сергеев решил воспользоваться этим моментом, дающим возможность добиться победы без жертв среди бойцов взвода. Жертвы в личном составе всегда обидны, а в последний день командировки обидны вдвойне или даже втройне. И без того в госпитале в Моздоке лежали три бойца взвода. Это уже было значительной потерей, и не хватало только взводу дополнительных потерь.

– Сдавайтесь! На колени! – крикнул Сергеев бандитам.

– Аллаху акбар! – только и воскликнул в ответ ближайший к старшему лейтенанту бандит и поднял перед собой на уровень лица Сергеева длинный нож-кукри³, за что сразу поплатился, получив пулю в волосатую грудь. Бандит упал, и только луна ярко отражалась в его недавно выбритой лысине.

² Дальнoбойная крупнокалиберная винтовка «Корд» считается антиматериальной, потому что в состоянии уничтожать материальные средства противника – легкую бронетехнику, стоящие на земле вертолеты и самолеты, РЛС разного уровня и предназначения.

³ Нож-кукри – национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани.

Сергеев переступил через упавшего и шагнул навстречу трем оставшимся в живых бандитам. Все трое понимали, что жить им остались какие-то секунды, но умирать на коленях они не пожелали, и Сергеев, увидев перед собой три выставленных вперед ножа, дважды выстрелил из пистолета и при этом сделал кистью второй руки, в которой держал лопатку, вращательное движение и попросту перерезал сухожилия третьему бандиту рядом с самой его кистью. Нож упал к ногам старшего лейтенанта, а бандит схватился второй рукой за поврежденную руку, пытаясь остановить кровь. Автомат у бандита остался за плечом, но он понимал, что при попытке прикоснуться к нему его ждет либо одна пуля из пистолета командира взвода, либо несколько из автоматов окруживших его солдат спецназа.

Поскольку бандит пытался остановить кровотечение и не желал прикасаться к автомату, чтобы не быть убитым, старший лейтенант сделал вывод, что этот человек не желает умирать, как его товарищи, и из него можно сделать ценного «языка», которого не грех допросить и узнать у него что-то важное.

– Где тот человек, что объявил себя эмиром, где он? – резко спросил Сергеев. – Санинструктор! – тут же позвал он.

– Я, товарищ старший лейтенант.

Взводный санинструктор шагнул из толпы к командиру взвода. На боку у него висела сумка с красным медицинским крестом в белом круге. Пленник жадно смотрел на эту сумку.

– Перевяжи ему руку. И укол поставь для сворачивания крови...

Пленник показал, что отлично понимает русский язык, и протянул санинструктору руку.

– Где новый эмир? – повторил Сергеев свой вопрос, рукой с пистолетом, как шлагбаумом, временно перекрывая санинструктору дорогу к пленнику.

Пленник понял, что убивать его не собираются. По крайней мере, пока. А для человека, уже простившегося с жизнью, каждая лишняя секунда этой жизни является подарком небес.

– Там... – здоровой рукой он указал в ущелье, по которому пришла банда. – За камнем прячется. В атаку он не пошел. Бережет себя. Сейчас, наверное, уже убежал...

– Кто с ним? Сколько человек?

– Двое. Один – его помощник. Второго я не знаю. Его надо было до Махачкалы доставить.

Судя по внешности, европеец, а по манере поведения – американец.

– В чем их различие?

– Американцы ведут себя наглее и обычно одеваются крикливо. Но этот одет аккуратно, как европеец.

– Потому и шли сюда? Из-за него.

– Да.

– Что за человек?

– Я же говорю, не знаю. По-арабски разговаривает свободно. По-английски тоже. И по-немецки, и по-французски, и даже по-итальянски. Образованный, похоже...

– Откуда знаешь?

– В Грузии посещали американскую лабораторию. Там специалисты из разных стран – все натовские. Он с ними разговаривал. Мы ничего не поняли. Но я на слух определил, что он разговаривал на разных языках.

В это время Сергеев услышал шум вертолетного двигателя в небе.

– Кондратенко! – позвал командир взвода.

– Я! – шагнул вперед из заднего ряда старшина контрактной службы.

– Вертолет нам смену несет. Срочно найди большую площадку для посадки «МИ-26».

Судя по звуку, именно он летит. Выставь людей с фонарями. Объясни, что светом показывать. Короче, ты все знаешь сам... И поторопись. Вертолет уже близко, – старший лейтенант поправил на шлеме микрофон. – Остальным готовиться к погрузке. Пленного берем с собой. Ему в госпиталь надо срочно. Сухожилия сшить. Охрану к нему приставить.

Пленник внимательно слушал. Судьба его жизни, судя по всему, уже решилась. И теперь решался вопрос: будет ли работать его рука? А это было для него важно...

* * *

Собрались быстро. Экипаж вертолета молча выслушал мнение о необходимости посетить военный городок спецназа, где была собственная медицинская часть. После чего на земле остался только Сергеев, объяснявший что-то командиру нового взвода лейтенанту Самохвалову. Но вскоре и он заскочил в вертолет. Машина сразу взлетела, поскольку стояла с работающими двигателями.

Сергеев сразу принялся на офицерском кожаном планшете писать рапорт о проведенной операции. Иначе ему пришлось бы потом набирать этот рапорт на компьютере и отправлять один экземпляр в штаб отряда, второй – в штаб собственной бригады по электронной почте. Но старший лейтенант печатал медленно и потому предпочитал писать вручную, так получалось и быстрее, и более грамотно. А почерк у Сергеева был разборчивый, хотя и мелкий. Но у начальника штаба сводного отряда майора Одуванчикова зрение хорошее, он еще и очки не носит – разберет.

По воздуху до военного городка добрались быстро. Пилоты, видимо, сообщили о своей посадке и о своем грузе диспетчерам, а те, в свою очередь, в штаб, дежурному. По крайней мере, машина армейской «скорой помощи», как звали ее в отряде, подъехала к вертолету сразу после посадки, и первым из нее выскочил начальник штаба отряда майор Одуванчиков, удививший командира взвода тем, что не спит еще в такое позднее время. Пока вертолет заправляли горючим и потому всех, кроме членов экипажа, высадили на летное поле, старший лейтенант в общих чертах рассказал майору об удачной операции и о том, что он отправил за новым эмиром и сопровождающими его людьми погоню из состава нового, уже уставшего отдыхать взвода, и вручил начальнику штаба свой рапорт в рукописном варианте.

– Вместе с вами полетит капитан Варфоломеев. Вы же из одной бригады. Слышал, я думаю, его историю...

– Слышал, товарищ майор. Мы же даже из одного батальона. И в Сирию с ним вместе отправлялись. И в одну историю там вместе вляпались. Вы же ее должны знать из наших характеристик. Короче говоря, давно и хорошо знакомы. Жалко его. Человек ведь армии почти всю жизнь отдал. А теперь что – трибунал...

– Ничего не могу поделать. Я и так написал ему характеристику – хоть завтра в маршалы его... Самому жалко... Боевой офицер. Грамотный.

Капитан Варфоломеев командовал в сводном отряде разведротой, сменившей по ротации роту, которой некогда командовал тогда еще капитан Одуванчиков. Самому Одуванчикову присвоили звание майора, прежнему начальнику штаба майору Смурнову дали подполковника и поставили командовать отрядом взамен получившего серьезное ранение подполковника Репьина, и оставили Смурнова и Одуванчикова на четырехмесячный испытательный срок в отряде... А тут как раз в период испытательного срока новых командира отряда и начальника штаба произошла история с капитаном Варфоломеевым, который расстрелял бандитов вместе с главой сельской администрации, посчитав его соучастником преступлений и членом банды. А он, как потом оказалось, был просто захвачен бандой в качестве заложника. Теперь Варфоломееву грозил трибунал и обязательное разжалование, как говорили, в рядовые. И исполняющий обязанности начальника штаба майор Одуванчиков, наплевав на свой испытательный срок, написал капитану Варфоломееву хвалебную характеристику.

– Ты уж это... Поаккуратнее с Володей... Не напоминай ему лишнего... Он и без того... Сам понимаешь... – напутствовал Сергеева майор Одуванчиков.

– Я постараюсь, товарищ майор... Мы же с ним друзья...

* * *

До Каспийска капитан Варфоломеев летел в самой дальней стороне салона большого вертолета и не желал приближаться ни к Сергею, ни к бойцам его взвода. Сергей Николаевич понимал его состояние и думал, что он будет держаться в отдалении и в самолете спецрейса, которым взвод возвращался к себе в бригаду, и потому сам на разговор с Варфоломеевым не напрашивался. Но капитан, поднявшись по трапу в самолет, осмотрелся, прошел в середину салона и занял место рядом со старшим лейтенантом. Видимо, на душе у него накопилось, и он желал хоть с кем-то поговорить на волнующую его тему, чтобы сбросить, как говорится, лишний пар. И для этой цели он избрал не солдат-срочников или солдат-контрактников, а того, кого считал равным себе, а именно – старшего лейтенанта Сергеева. От Варфоломеева пахло спиртным, а в состоянии подпития человека тем более тянет на откровенность.

– Ну что, Сереня... – сказал Варфоломеев, ставя себе на колени свой рюкзак и развязывая его. – Примем, что ли, за нелегкую нашу службу...

Он движением циркового фокусника вытащил из рюкзака бутылку водки и, уцепившись зубами за пробку, резким поворотом головы сорвал ее с горлышка.

– Извини, Володя, не употребляю. Вообще то есть не употребляю. Да и ты раньше, кажется, не пил.

– Брежуешь, что ли, со мной выпить? – Варфоломеев спросил тоном человека, которому не терпелось поскандалить. По крайней мере, вызов в его словах прозвучал отчетливо.

Но Сергей Николаевич был настроен мирно и на скандал не нарывался. Он даже измученно улыбнулся Варфоломееву и сказал успокаивающе:

– Ты пей, Володя, сам. Тебе одному-то, наверное, сейчас бутылки мало.

Но капитан не унимался.

– А ты за меня не решай, сколько мне пить! Захочу – и не буду... – Он вытянул перед собой руку с бутылкой и стал выливать водку в большой карман чехла кресла перед собой, в кресле сидел старшина Кондратенко. В кармане чехла лежал в сложенном состоянии столик, который можно было бы потом установить в подлокотники кресла капитана Варфоломеева, но пока это капитана не волновало. А водка по поверхности столика стекла, минуя само кресло, на пол, и коврик под ногами сразу впитал ее, издавая отчетливый характерный запах спиртного.

Услышав за спиной бульканье выливаемой водки, замкомвзвода обернулся, но тут же уловил успокаивающий взгляд своего командира взвода и отвернулся. Капитан не заметил, что замкомвзвода обернулся, из чего Сергеев сделал вывод, что Варфоломеев в самом деле основательно пьян – офицер спецназа военной разведки, даже если выпил, обязан контролировать ситуацию вокруг себя. А Варфоломеев и этого сделать был не в состоянии.

– Чего смеешься? Надо мной смеешься?

– Я не смеюсь, а просто улыбаюсь... – Сергеев в самом деле улыбнулся. – Забавно будет завтра в туалете мой старшина пахнуть!

– А? – спросил Варфоломеев и, упираясь двумя руками к подлокотники кресла, приподнялся, чтобы заглянуть в кресло перед собой. – Да ну и хрен с ним, пусть пахнет хоть на неделю вперед... А у меня еще бутылка есть. Будешь?

– Извини, Володя, не употребляю... – повторил Сергеев и с удовольствием отметил про себя, что Варфоломеев закрыл глаза, устроился поудобнее, ввинтив зад в кресло, и тихо засопел, засыпая...

Глава первая. Старший лейтенант Сергеев. Новое назначение

После возвращения взвода из Дагестана прошли две с половиной недели.

Старший лейтенант Сергеев отправился на рейсовом автобусе в штаб бригады, чтобы твердо истребовать для себя положенный отпуск, который по какой-то причине все никак не давали. В штабе батальона Сергееву объяснили, что задержка вызвана каким-то особым мнением штаба бригады.

– Кому-то там ты, похоже, дорогу перешел... – сказал начальник штаба батальона майор Косолапов. – Колись лучше сразу, с кем повздорил. Может, я сумею за тебя слово замолвить.

– Да вроде бы ни с кем не ругался... – пожал плечами командир взвода.

– Короче говоря, мой рапорт относительно твоего отпуска давно уже в штабе бригады лежит. Если что, можешь прямо на меня ссылаться. Отпуск тебе после твоей боевой командировки положен по закону однозначно. Будем настаивать... Удачи!

Штаб бригады – большое бюрократическое образование. И старший лейтенант даже не знал, к кому ему следует в первую очередь обратиться, и потому сначала зашел к дежурному по штабу.

Дежурный офицер с погонами майора рылся в кипе каких-то бумаг, наваленных на его столе позади высокой стойки. Но стоило старшему лейтенанту назвать себя, как у дежурного загорелись глаза.

– Ну вот... На ловца, как говорится, и зверь бежит.

– Я, вообще-то, не зверь, а человек, офицер к тому же... – тихо возразил Сергей Николаевич, но дежурный его не слушал. Старший лейтенант знал, что есть самовлюбленные люди, которые только себя и слушают и при этом обычно много говорят сами. Майор был, видимо, как раз из таких.

– А мне приказали срочно тебя найти. Я только собрался звонить к вам в батальон. Номер вот искал. Короче, иди напрямую к начальнику штаба, он тебя ждет. Я сейчас ему позвоню, предупрежу... И еще – потише с ним, лютый он сегодня чрезмерно.

Из-за стойки дежурного старший лейтенант вышел в легкой растерянности, лихорадочно пытаюсь вспомнить, что он такого натворил, что его сам начальник штаба бригады вызывает, однако ничего предосудительного за собой не вспомнил и быстрым шагом стал подниматься вверх по ступенькам лестницы.

Начальник штаба бригады спецназа военной разведки – полковник Добровольский, офицер предпенсионного возраста, был в полном соответствии со своим возрастом и званием, которое, как он сам считал, многое ему позволяет, ворчливым человеком. И об этом в бригаде знали все военнослужащие. Даже солдаты срочной службы, которые старались лишней раз не попадаться ему на глаза, потому что полковник всегда находил, к чему придраться. Одного писаря он, как рассказывали, заставил трижды перечисать берцы, а потом заставил чистить берцы всей комендантской роте, чтобы знал, как в следующий раз ходить в грязной обуви. А писарю до демобилизации оставалось служить, как он сам рассчитывал, неделю, но эта неделя растянулась волей начальника штаба на два месяца. И вот этот полковник Добровольский, будучи сегодня лютым, как предупредил дежурный по штабу, жаждал увидеть у себя в кабинете старшего лейтенанта Сергеева. Жила в старшем лейтенанте надежда, что полковник не заставит его чистить берцы всею отдельному взводу, что находился в его подчинении.

На третьем этаже Сергей Николаевич постучал в дверь приемной, потом вошел. За компьютером на приставном столике сидел и набирал какой-то текст адъютант командира бригады в таком же звании, как и Сергеев. Адъютант – не боевой офицер, но тоже носил, не снимая,

наколенники и налокотники. И даже, как поговаривали другие офицеры, неплохо умел стрелять из пистолета, что доказывал, когда офицеров вывозили на автобусе в гарнизонный тир. Правда, с автоматом адъютант справлялся гораздо хуже и на общем стрельбище не всегда даже попадал в мишень. А в боевых условиях офицерам чаще приходится иметь дело с автоматом, чем с пистолетом. Короче говоря, Сергеев относился к адъютанту без симпатии. Тот отвечал командиру отдельного взвода той же самой монетой.

– Меня начальник штаба вызвал, – сказал Сергеев.

Адъютант только плечами пожал.

– Проходи... – И через плечо показал оттопыренным большим пальцем на правую дверь, обитую дерматином.

Сергей Николаевич сначала постучал, хотя знал, что дверь двойная и его стук, скорее всего, не будет услышан туговатым на ухо в силу возраста полковником. Потом вошел в промежуток между дверьми и постучал снова – теперь уже во внутреннюю дверь, услышав приглашение, хотя и не разобрал самих слов, вошел, и сразу же, вытянувшись по стойке «смирно», доложил:

– Товарищ полковник, старший лейтенант Сергеев по вашему приказанию прибыл.

– Заходи, старлей, присаживайся, – полковник указал на стул. Предупреждение дежурного по штабу о том, что полковник сегодня лют, оказалось ложным, и на сердце Сергея Николаевича сразу стало легче. Впрочем, он мог быть лютым по отношению к кому-то другому, но появлению Сергеева почти обрадовался, как показалось самому старшему лейтенанту.

– Короче, старлей, дело у нас такое. Тебе когда очередное звание получать?

– Через месяц, товарищ полковник. – После этого вопроса Сергеев уже почувствовал, к чему идет дело. Но дело пошло дальше его ожиданий.

– Ну, месяц – это по большому счету вовсе и не срок. Ты в курсе, что произошло с капитаном Варфоломеевым?

– Так точно. Мы вместе прилетели из Дагестана. В одном самолете. А до этого в одном вертолете летели. – Про пьяные выкрутасы капитана Сергей Николаевич предпочел полковнику не рассказывать, хотя в самолете старшине Кондратенко пришлось пересест в свободное кресло на другом ряду, поскольку его оказалось сильно подмоченным водкой Варфоломеева – не вся бутылка, видимо, пролилась сквозь карман для столика. Полковник Добровольский вообще относился строго к любой пьянке, даже обоснованной, как в случае в капитаном.

– А как ты сам, старлей, к Варфоломееву относишься?

В глазах полковника на какую-то секунду промелькнуло любопытство, но оно не осталась незамеченным старшим лейтенантом. И он решил сказать то, что думал:

– Толковый боевой офицер. Мы с ним вместе в Сирию летели, одним бортом, вместе и в плен к бандитам угодили. Воевали рядом. Жалко его. Что же теперь с капитаном будет...

– Что заслужил, то и получил. Его, грубо говоря, характеристика начальника штаба сводного отряда выручила. Трибунал учел заслуги капитана и его боевые награды, хотя сначала думали его разжаловать в рядовые и уволить из армии. Но прямо на заседании трибунала была зачитана характеристика, в результате чего капитана только понизили в звании и должности, разжаловали, стало быть, в старшие лейтенанты и оставили на службе. Сам приговор трибунал только на днях зачитает. Но мне уже решение сообщили. И теперь ты, старлей Сергеев, будешь командовать ротой вместо Варфоломеева, а он будет командовать у тебя в роте взводом. Возьмешь себе офицера с судимостью?

– Так точно, товарищ полковник, возьму, – радостно воскликнул Сергеев, но радовался он не столько за себя, за свое повышение по службе, сколько за Варфоломеева, который так легко отделался. На радостях старший лейтенант забыл даже о поводе, который привел его в штаб бригады, то есть о своем отпуске.

– Приказ по бригаде уже готовится, а звание тебе Москва даст. Это не наша прерогатива, – сообщил полковник. – Все. Можешь идти...

* * *

О своем отпуске и даже о том, что уже звонил домой родителям с сообщением о предстоящем приезде, старший лейтенант Сергеев вспомнил только тогда, когда уже сел в рейсовый автобус, чтобы ехать к себе в батальон, а автобус тронулся с места. Возвращаться снова в штаб не хотелось – примета нехорошая возвращаться. Будь он на своей машине, он вернулся бы, но машина стояла в гараже, а Сергей Николаевич из-за недостатка времени утром не пожелал делать круг, чтобы добраться до гаража. Он вообще изначально не планировал поездку в штаб бригады. Это его начальник штаба батальона майор Косолапов подбил, словно заранее знал о ждущем старшего лейтенанта сюрпризе. Но, вполне возможно, майор и заранее знал о повышении Сергеева, о чем говорили его хитрые взгляды, время от времени бросаемые на старшего лейтенанта. Кроме того, наверняка начальник штаба бригады запрашивал мнение своего коллеги из батальона о Сергее Николаевиче и тот был в курсе изменений в карьере своего подчиненного.

Но, по крайней мере, стала понятной задержка с отпуском. После боевой командировки, где срок службы исчисляется как «день за три», отпуск офицеру предоставляется, как за полтора года службы вне зависимости, участвовал ты в непрерывных боевых действиях, или же только по селам разъезжал, документы у местных жителей и их дома проверял в поисках кого-то из прячущихся бандитов, или же нес дежурство на административной границе двух республик, предотвращая межэтнические столкновения между жителями. Но даже проверка регистрации порой заставляла спецназовцев применять не только силу, но и хитрость. Обычно подобная операция называется «проверкой паспортного режима». А предотвращение межэтнических беспорядков вообще требовало немалых дипломатических способностей. Потому эти действия и приравнивались к боевым. И такой длительный отпуск, естественно, нарушает планы командования по формированию боеспособного подразделения. Вскоре должна вернуться из командировки разведроты, и новому командиру, естественно, следует принять ее не у старого командира, а самостоятельно, что в реальности гораздо сложнее. Но Сергеев рассчитывал, что он сначала поможет Варфоломееву (который уже прибыл в батальон и пока в ожидании приказа находился в резерве батальона) быстро освоиться в разведроты, а уж потом будет добиваться отпуска. Или же соединит два отпуска в один, то есть отслужит еще год, а уж потом поедет домой к родителям на два с половиной месяца. Отец с матерью будут только довольны... И в хозяйстве можно успеть им помочь. Частный дом в деревне требует хлопот и мужских рук, а отец уже стар.

Вскоре рота вернулась.

Без своего командира она была в командировке только половину обычного срока. То есть три месяца вместо шести. И командование в Москве решило не менять командира роты на месте. Может быть, из опасения, что подобная практика может стать традицией, может быть, в Генеральном штабе кто-то воспротивился новому назревшему назначению.

После оглашения приговора военного трибунала сам бывший командир роты был просто счастлив, что отделался так легко, и вместо обещанного уже разжалования в рядовые и увольнения из армии лишился только одной звездочки на каждом погоне и должности. Рад был этому и Сергеев, поскольку Варфоломеев активно помогал ему знакомиться с ротой. Более того, тот, даже не спросив согласия самого Сергея Николаевича, провел собрание офицеров роты, где доходчиво объяснил командирам взводов то, что они должны были знать и понимать и без его слов – все они служат в армии и подчиняются только приказам сверху. И раз командование решило, кого назначить командиром роты, то дело офицеров подчиниться этому при-

казу. И рассказал в нескольких словах о том, как старший лейтенант Сергеев спас его из плена в Сирии. Говоря по правде, Сергеев больше всего опасался как раз нежелания офицеров принять нового командира разведроты, когда старый оказался не у дел, хотя и находится здесь же. Конечно, он понимал, что его приказы будут выполняться, но подозревал, что выполняться они будут с откровенной ленцой и с прохладцей, что можно охарактеризовать как саботаж. К Варфоломееву в роте привыкли, его даже любили и офицеры, и солдаты. И новый командир роты мог бы почувствовать неприязненное отношение к нему воинского коллектива. Но сам старший лейтенант Варфоломеев, сняв по лишней звездочке с каждого погона, уже на следующий день после заседания военного трибунала как мог помогал Сергееву, хотя тот не торопился передать Варфоломееву свой взвод.

Так, после серьезного разговора с офицерами роты, Варфоломеев сообщил новому командиру:

– Все нормально прошло, не переживай, – и он дружески потрепал Сергея Николаевича по плечу. – Единственное, о чем хочу тебя предупредить, осторожнее со старшим лейтенантом Алексеем Севастьяновым. Вообще-то он, честно говоря, парень неплохой. И как офицер – тоже толковый. Это он, кстати, весь штаб бандитов расстрелял. Вместе с главой сельской администрации.

– Так ты ему приказал именно всех расстрелять или нет? – спросил Сергеев.

В ответ Варфоломеев только плечами пожал и отошел в сторону, не желая дальше продолжать разговор.

Сергеев уже знал, что командир взвода связи старший лейтенант Севастьянов должен получить звание капитана, в то время как командир роты, тогда еще капитан Варфоломеев, должен был получить звание майора и уехать в другой батальон на должность начальника штаба, и Севастьянову уже была обещана должность командира разведроты, скорее всего, командиром бригады, который, как поговаривали, приходился дальним родственником жене Севастьянова. И Севастьянов получил бы эту должность, не вмешайся Москва...

И тогда уже не могли помочь все родственные связи и командира бригады полковника Осипенко, и начальника штаба бригады полковника Добровольского. Однако Сергеев сразу вбил себе с голову, что Севастьянов расстрелял заложника намеренно, чтобы убрать командира разведроты, понимая, что обвинят в преступлении именно того, кто отдал приказ о расстреле, и занять его место. И убедить нового командира роты в непричастности Севастьянова к этому делу было сложно. Сам Варфоломеев вернулся к разговору только некоторое время спустя.

– Помнишь, пару дней назад ты спрашивал, отдавал ли я приказ расстрелять главу сельской администрации?

– Помню... – отозвался Сергей Николаевич. Он действительно помнил свой вопрос, потому как не понимал, как мог такой опытный командир разведроты отдать подобный приказ, и мысленно много раз к этому вопросу возвращался.

– Я ночами спать не могу, все пытаюсь вспомнить. На следствии Севастьянов сказал, что это я однозначно приказал всех расстрелять. Всех... И потому он отдал такой приказ солдатам. Но я не помню своих слов. Не помню, хоть убей, формулировку «всех», хотя мог так сказать, имея в виду одних бандитов. Однако мы до этого вместе с другими офицерами обсуждали ситуацию с заложником. При Севастьянове, кстати, обсуждали. Размышляли, как его спасти. Он должен был слышать. Он же даже какие-то реплики вставлял. Советы давал. Ведь от взвода связи осталось только название. Сам знаешь, связь давно уже совсем другая. Это солдаты к нам приходят после «учебки» радистами, а офицеры – они же чистые спецназовцы. Стопроцентные...

– Ты на следствии это сказал? – поинтересовался Сергеев.

– Передо мной стоял выбор. Или полное чистосердечное признание, или попытка свалить вину на другого, что вызовет и недоверие, и непонимание членов трибунала. И новое следствие,

новую возню, которая может ничего и не дать. Но я это только что вот осознал. Раньше как-то не задумывался. В итоге получилось, что я просто не подумал, что заложника могут держать в одной из комнат штаба. И именно в этой комнате его и застрелили... Так это в трибунал в виде протокола допроса и ушло. Дескать «с моих слов записано верно», и так далее... Хотя я сам протокол, честно говоря, и не читал. Только в трибунале и ознакомился.

– Зря ты так подставился. Протокол, как и любая фраза, имеет и начало, и конец. И многое зависит от того, как что читать. С какого конца. Я вот даже протоколы временных подчиненных читаю. Или их самих заставляю вслух перечитывать.

– Дело вкуса. Вот лично я вообще рукописный текст плохо разбираю. Да и следователь мне попался сочувствующий, понимающий... Не хотелось его против себя настраивать. А с «капризами» относительно протокола точно бы против себя настроил.

– Приговор не следователь выносит, а трибунал.

– Тем не менее приговор вынесли очень мягкий. Я думаю, это заслуга следователя.

– Или майора Одуванчикова, который на тебя такую характеристику накатал, что хоть завтра в маршалы тебя производи... Это он мне лично так сказал. А ведь он сам, насколько мне известно, на испытательном сроке находится. И не побоялся, рискнул...

– Я отдаю должное майору Одуванчикову. Его характеристику на заседании трибунала зачитывали. Я даже сам не знал, что я такой хороший. Еле сдержался, чтобы не усмехнуться.

* * *

А на следующий день после этого разговора Варфоломеев не вышел на службу. Сергеев ждал его, намереваясь представить своему бывшему отдельному взводу нового командира. Правда, от взвода осталось всего ничего, чуть больше половины прежнего обстрелянного состава – только контрактники, ибо солдаты-призывники уже должны дома быть и водочку за праздничным столом попивать. А на их место Сергеев уже успел набрать новый состав призывников и надеялся, что новый командир сумеет их обучить так, что с ними не страшно будет пойти в бой.

Сергей Николаевич пытался дозвониться Варфоломееву домой, но никто не отвечал ни по городскому телефону, ни по сотовому, который вообще оказался отключенным, о чем сообщил робот оператора сотовой связи. Офицеры роты говорили, что обычно Варфоломеев службу не прогуливал. Даже когда он внезапно заболел, то пришел на службу с температурой, и в медсанчасти батальона, куда он заглянул только за таблетками от головной боли, его отправили домой с требованием вызвать врача на дом. Однако в тот раз он чувствовал ответственность за роту.

Старший лейтенант Севастьянов дал Сергееву номер сотового телефона Ларисы Николаевны, жены Варфоломеева. Сергей Николаевич достал мобильник, чтобы позвонить ей, но в это время его телефон сам зазвонил. На дисплее высветился номер мобильника начальника штаба батальона майора Косолапова. Старший лейтенант ответил на вызов.

– Сергей Николаевич, ты на машине? – с ходу начал начальник штаба.

– Так точно, товарищ майор.

– Я к тому спрашиваю, что мог бы выделить тебе дежурную машину, если своей под рукой не окажется. Короче, тебя полковник Добровольский вызывает. Срочно. Он слово «срочно» два раза повторил. Поезжай, может, что в самом деле срочное. Не знаю уж, что там такое стряслось... Он вообще-то любит это слово «срочно» употреблять. Уважь уж старика... Это я про полковника, не про себя.

Себя майор Косолапов в свои сорок с небольшим лет тоже частенько называл и стариком и причислял к «старой гвардии» и «старой школе», но это, как понимал Сергеев, от желания выглядеть солиднее.

На этом майор отключился связь.

Пришлось звонку Ларисе Николаевне отложить и быстро ехать в штаб бригады. Благо быструю езду старший лейтенант любил и ездить быстро умел. По дороге он обгонял другие машины и даже без проблем обогнал «уазик» командира бригады, хорошо помня о том, что полковник Осипенко тоже любит быструю езду и даже держит у себя в качестве водителя бывшего таксиста из сибирского города Черемхово как раз за то, что тот любит и умеет быстро ездить. Но «Мицубиси Паджеро Спорт» намного превосходит по своим скоростным качествам «уазик». Так что Сергеев не слишком гордился тем, что обогнал машину командира бригады.

В штаб он не вошел, а буквально ворвался, на ходу сообщив дежурному по штабу, что командир бригады полковник Осипенко едет следом за ним. Дежурный капитан сидел за своим столом со множеством телефонных аппаратов, положив обе ноги на свободный стул перед собой, и спокойно дремал, но после сообщения Сергея Николаевича вскочил как ошпаренный, словно Осипенко шел следом за Сергеевым. Нрав комбрига, как и нрав начальника штаба, был известен всем офицерам штаба, и никто не желал нарываться на долгие нравоучения любого из полковников.

– Я к начальнику штаба, – сообщил Сергей Николаевич, уже подойдя к лестнице.

– Хрен редьки не слаще, – ответил дежурный негромко, но Сергеев услышал.

Уточнять, что эти слова значили, старший лейтенант не стал, хотя догадаться было нетрудно.

Он легко поднялся на третий этаж, в приемной застал адъютанта комбрига примерно в той же позе, что и дежурного по штабу. Повторил свое сообщение о скором прибытии полковника почти слово в слово, что и адъютанта тоже взволновало и заставило быстро повернуть офисное кресло к компьютеру и включить его.

Сергей Николаевич открыл первую дверь в кабинет Добровольского и постучал во вторую, после чего вошел.

– Эх тебя... – почти недовольно сказал полковник, – только недавно вроде бы вызвал, а ты уже здесь. Десяти минут еще не прошло.

– Современная мобильная связь, товарищ полковник, и современные средства передвижения сказываются...

– Да, – ворчливо произнес Добровольский. – Только мы, старики, никак к этому привыкнуть не можем. Все по-старинке живем... А давно пора бы уже привыкнуть. Как-никак, служим там, где жизнь сама к разным новинкам располагает. Как сейчас в Москве говорят, обязаны или адаптироваться, или на пенсию уходить. Я вот для себя последнее выбрал. Пора уже вам, молодым, дорогу уступать. Я вот что тебя вызвал, Сергей Николаевич...

С одной стороны, старшему лейтенанту было приятно, что начальник штаба бригады помнит его по имени-отчеству, но, с другой стороны, было в интонации Добровольского и что-то неприятное, слегка слащавое, подобно конфетке, размокшей в банке с солеными огурцами.

Начальник штаба взял со стола два листа бумаги. На верхнем старший лейтенант сумел, несмотря на расстояние, разобрать свой мелкий почерк и понял, что это его заявление на отпуск. На втором листе был, видимо, рапорт начальника штаба батальона майора Криволапова на ту же тему. А Добровольский продолжил, подтверждая наблюдательность Сергеева:

– У меня вот тут твое заявление на отпуск лежит и рапорт начальника штаба твоего батальона. Ты роту принял?

– Так точно, товарищ полковник. Принял.

– Так вот, в отпуск поедешь сразу после того, как поймашь мне бывшего командира роты. Он теперь твой подчиненный, ты за него и отвечать должен. Опыт сотрудничества со следственными органами у тебя есть, судя по отзывам из Дагестана...

– Что значит «поймать бывшего командира роты»? Он, правда, сегодня на службу не вышел, но еще вчера он ни от кого не прятался.

– Так ты не в курсе дела, что ли?

– Никак нет, товарищ полковник. – Старший лейтенант вытянулся по стойке «смирно» в готовности выслушать пояснение начальника штаба. – А что случилось?

– Твой Варфоломеев человека убил, а потом сбежал из-под стражи. Разберись... Вот тебе телефон начальника следственного отделения в райотделе полиции. С ним свяжись, выясни все обстоятельства дела, потом мне доложи. Майор Инокентьев какой-то... – Полковник написал фамилию и номер телефона на чистом листе бумаги и отдал его старшему лейтенанту.

Глава вторая. Старший лейтенант варфоломеев. Человек-оружие во плоти

Все события последних дней в моей голове сместились и смешались в какой-то странный коктейль, от которого голова пошла кругом. Будто я выпил бутылку водки и не закусил. Однако что-то вело меня по предназначенному пути, и я не мог, попросту не имел сил от этого отказаться. Как тут не поверить в высшие силы, которые распоряжаются судьбой человека, которые куда-то ведут его, и в результате к чему-то приводят. Только хочется спросить: к чему они привели меня?

Сначала вроде бы все складывалось для меня не так уж и плохо. Главное Следственное управление при военной прокуратуре назначило по моему делу толкового, грамотного, а, главное, сочувствующего следователя. Именно мне сочувствующего. И, зная состав военного трибунала, состоящего из местных, дагестанских, кадров, думаю, именно он настоял на том, чтобы мой вопрос рассматривался не по месту происшествия, а по месту моей службы. Поговаривали, что сначала дело собирались вообще передать Москве, и это было бы для меня наихудшим вариантом, потому что Москва традиционно заигрывает с российскими республиками, особенно с кавказскими. И там мне могли бы дать даже реальный срок, хотя и небольшой, поскольку сам я в расстреле не участвовал. Но следователь снова настоял на своем, и дело рассматривал военный трибунал нашего округа. Кроме того, хотя я и постоянно находился под подпиской о невыезде, меня все же не взяли под стражу и не отправили в СИЗО на нары. Опять, видимо, сыграло роль то, что я сам лично в расстреле не участвовал. По крайней мере, так сказал мне следователь. А он, мне показалось, имел определенный авторитет в военном трибунале и мог оказывать на него влияние. В то же самое время тот же следователь обещал мне разжалование в рядовые и увольнение из армии как лучший для меня вариант исхода моего дела. Но трибунал посчитал, что такое наказание было бы слишком крутым, и лишил меня звездочки на каждом из погонов, оставив служить в армии. Честно говоря, я даже не представлял себе жизнь вне армии. И совершенно не знал, чем могу заняться, став гражданским лицом. Так я и сказал на заседании. Может быть, именно эти мои слова, может быть, характеристика, написанная на меня начальником штаба сводного отряда в регионе Северного Кавказа майором Одуванчиковым, согласно которой от приговора трибунала пострадаю не столько я, сколько армия, потерявшая такого командира роты, сыграли в моей судьбе положительную роль. Но факт остается фактом, меня только понизили в звании и должности, поскольку наказать кого-то все равно следовало, и на этом дело завершилось.

– Тебя осудили по нижнему пределу статьи уголовного кодекса, – сказал следователь, пожимая мне на прощание руку. Я впервые увидел его в мундире и с погонами полковника. До этого он всегда, на каждом допросе, был в гражданской одежде, и я даже не знал, что он носит воинское звание. А, судя по форме, звание у него было воинское, а не служебное, как, скажем, у ментов.

Домой я вернулся счастливый и радостный, чем удивил жену Ларису. Она, кстати говоря, собиралась присутствовать на заседании трибунала, но я настоял на том, чтобы супруга осталась дома. Лариса поддерживала меня, как могла, утешала. Хотя я в утешении и не особенно нуждался.

– Ничего... Мы как-нибудь протянем. Пойдешь куда-нибудь на завод работать. Главное, чтобы «срок» не дали. А то нам с Люсей тяжело придется...

К тому моменту Лариса уже знала, что реальный «срок» мне не грозит. А Люся – это наша худенькая двухлетняя дочь, которую только что перевели из яслей в садик. Люся еще ничего не

понимала, но чувствовала, что у папы с мамой что-то случилось. Наверное, воспринимала наше беспокойство своим детским сердцем. Из-за нее и начались мои следующие неприятности.

Я пошел в детский сад, забирать дочь. Пошел не как обычно, под конец рабочего дня, как хожу всегда, а раньше, воспользовался тем, что после заседания трибунала оказался практически свободным. Детский сад располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Что-то заставило меня подойти к окну. И тут я увидел, что моя дочь сидит с раздутыми щеками на голом полу, не в состоянии проглотить то, чем кормят детишек в детском саду – она даже дома иногда не желала есть то, чем мы пытались ее накормить, и каждый раз кормление девочки означало для нас с Ларисой муку, а перед ней стоит воспитательница, размахивает руками и дико орет на ребенка. Так орет, что даже на улице сквозь двойное стекло слышно, хотя слов было не разобрать.

Недолго думая, я ворвался в детский сад, быстро, не говоря ни слова, одел плачущую Люсю, зверем посмотрел на притихшую воспитательницу и поспешил в кабинет заведующей.

– Все! – заявил я категорично. – Больше моя дочь к вам в садик ни ногой...

Заведующая детским садом была возрастная женщина, жена начальника штаба нашей бригады, такая же крутая, как и ее муж, и настолько же властная, если не более, потому что такого мужа еще следовало «в узде» удержать...

– Что произошло? – строго спросила заведующая и грустно улыбнулась. Улыбка, по-особенному грустная, очень шла к ее волевому и суровому лицу, и, честно скажу, располагала к доверию.

Я повернул дочь к ней лицом и показал. Рот Люси по-прежнему был набит, и слезы все так же текли из глаз. Пришлось рассказать, чему я стал свидетелем, хотя разобрать слова воспитательницы я сквозь стекло и не мог, я был уверен, что она ругалась на Люсю матом. По крайней мере, выражение лица и артикуляция воспитательницы в тот момент говорили именно об этом. Это я тоже не забыл сказать.

– Подождите минутку... – попросила заведующая и вышла.

Она быстро вернулась, а за ее спиной колокольной возвышалась крупная воспитательница группы. Она была на полголовы выше меня и шире в плечах. И было удивительно, что такая вот крупная женщина могла орать на такое маленькое и беззащитное существо, как Люся.

– Опять на тебя жалоба, Парамончикова. А я ведь тебя официально, в приказе, предупредила... И снова то же самое... Опять сдержаться не можешь! На детей кричишь... Четвертая жалоба... Все, мое терпение кончилось. Завтра можешь на работу не выходить. Ты уволена!

Честно говоря, я ожидал, что Парамончикова станет просить прощения и уговаривать заведующую не увольнять ее. И даже подумалось, что наверняка уговорит. Но подобный разговор, видимо, в самом деле был не первым, но явно стал последним, потому что воспитательница встала в позу, вроде бы даже замахнулась, и мне показалось, что она вот-вот ударит возрастную заведующую, чему бы я не удивился – современные люди привыкли считаться со своими габаритами больше, нежели с законом. Но она не ударила.

– А ты бы сама попробовала этих уродцев накормить, когда они есть не хотят! – заорала воспитательница, теперь уже бывшая, на заведующую. Видимо, она уже поняла, что обратной дороги у нее нет, и потому резко перешла на «ты». Это заведующую, похоже, больше всего задело. Возрастная женщина поджала и без того тонкие губы и вытянула руку, указывая на дверь.

– Вон отсюда... Вон! И чтобы больше твоего духу здесь не было!

– Я-то уйду, – сказала бывшая воспитательница, – и даже на тебя зла держать не буду. Ты должна была на жалобы реагировать. А вот он, – она посмотрела прямо на меня, – он мне один за всех жалобщиков ответит. Ты так и жди, когда к тебе придут... У меня тоже защита есть...

Последние гневные слова были обращены непосредственно ко мне. Она резко развернулась и ушла, плотно, без стука закрыв за собой дверь с мутным стеклом, словно бы покрытым

инеем. Мне осталось только усмехнуться ей вслед, ибо последнее слово осталось за ней, хотя и привык последнее слово оставлять за собой.

– Вы будьте с ней поосторожнее, – посоветовала мне заведующая детским садом. – Она у нас женщина мстительная. Мужа не простила, натравила на него каких-то кавказцев. Они его до полусмерти избили. Уголовное дело довольно долго рассматривалось. Сама-то Парамончикова как-то выкрутилась, а троих посадили за то, что человека изуродовали... Муж оглох на одно ухо и на один глаз ослеп. Сейчас она с одним из этих бандюг живет и с дочерью. Дождалась его из тюрьмы, как ни странно. Боялась, наверное. Он, говорят, по характеру парень горячий. А она, прости господи, с кем только не путалась, пока он сидел.

– Спасибо. Но вы за меня не переживайте, я офицер спецназа и за себя постоять сумею.

– Вы завтра-то дочь приводите. У меня соседка на работу просилась. Она женщина добрая, немолодая, с опытом... Ее приглашу... Она вашу девочку не обидит... Тю-тю-тю....

И заведующая потрепала Люсю за нос.

Люся проглотила пищу, что держала за щеками, смущенно улыбнулась, и крепче обняла меня двумя ручонками за шею.

* * *

Я трое суток ждал обещанных бывшей воспитательницей неприятностей. Не то чтобы я их опасался, но мне на ком-то следовало сорвать злость из-за того, что меня лишили звания и должности. Не срывать же злость на сослуживцах, с которыми вместе много раз ходил в бой, или на человеке, который теперь занял мое место – я же ему, по сути дела, жизнью обязан. Он здесь ни при чем. Его назначили, он и служит. А вот агрессию мужчины со стороны, тем более которым мне угрожали, я, как человек-оружие, как порой зовут за глаза офицеров спецназа военной разведки, готов был воспринять в штыки. Тем более на нем уже есть кровь другого человека, бывшего мужа бывшей воспитательницы.

Воспитательницу вместе с ее парнем я увидел через три дня, накануне того, как должен был принять у старшего лейтенанта Сергеева его бывший взвод, которым решено было усилить мою бывшую разведроту, понесшую потери в командировке. О предстоящем представлении взводу мне рассказал начальник штаба батальона майор Косолапов. Сам новый командир разведроты пока держал это почему-то в тайне. Наверное, хотел сделать мне сюрприз, передавая взвод, много уже лет считающийся в батальоне лучшим.

Я выходил через проходную батальонного городка, когда увидел на высоком крыльце магазина бывшую воспитательницу своей дочери. Она смотрела прямо на меня, а рядом с ней стоял высокий парень, спортивную фигуру которого я сразу оценил. И оценил его цепкий взгляд. Бывшая воспитательница пошла в другую сторону, а этот парень еще некоторое время постоял, а потом двинулся за мной. Человек явно меня выслеживал. «Ну и пусть выслеживает на свою голову», – подумал я. Я даже специально пошел домой дальней дорогой, через парк, надеясь, что он надумает напасть на меня там, где меньше народу, где уже было темно, и только редкие фонари освещали аллеи. Он шел за мной до самого дома и ускорился только у подъезда, стал нагонять, и я умышленно замедлил шаги и перед тем, как войти в подъезд, даже поставил ногу на скамейку и перевязал на берце шнурок, который был и без того хорошо завязан.

– Капитан... – окликнул меня человек. – Подожди-ка...

Я выпрямился, хотя был готов к тому, что он попытается ударить меня, согнутого, ногой в живот, скорее всего, в область печени. Но он меня не ударил. Я же посчитал это упущенной с его стороны возможностью. Однако дело, как оказалось, было не в том. В парне чувствовалась какая-то напряженность. Склонность к справедливости, что ли. Наверное, «зона» научила его сдержанности. Я уже ранее встречался с подобными проявлениями у бывших зэков и потому не сильно удивился.

Он посмотрел на мои погоны.

– А почему только старший лейтенант? Ты же капитаном был...

Лучше бы он этого не спрашивал. Для него же лучше было бы. А меня вопрос только разозлил. В самом деле, не откровенничать же с человеком, которого совсем не знаешь, не рассказывать же ему произошедшую со мной историю, в которой я сам еще толком не разобрался...

– А тебе какое дело? Ты, вообще, кто такой будешь? – спросил я довольно грубо.

– А вот так со мной разговаривать не надо. Я же к тебе по-хорошему подошел. Просто поговорить об одном деле.

– По-хорошему ты за мной, – я посмотрел на часы, – почти сорок минут идешь? По-хорошему тебе на меня указала бывшая воспитательница детского садика?

– Так ты и это видел... Ну-ну... Но ты сразу много вопросов задал. На какой из них раньше отвечать?

– Начнем сначала. Кто ты такой будешь?

– По национальности я даргинец. Есть такой народ в Дагестане.

– Знаю, слышал... – Я не стал уточнять, что человек, приказ расстрелять которого я якобы отдал, тоже был даргинцем. – Есть такие... Дагестанец, значит... И что?

– И еще я профессиональный боец ММА... – А вот этого ему тем более не следовало говорить. С одной стороны, его слова походили на похвальбу. С другой стороны, получалось, что он меня предупреждал о том, что умеет драться, а я не мог сказать ему, что недавно еще был командиром разведроты спецназа военной разведки и тоже многое умею. Но я выход нашел. Сказал полуправду:

– А я командир взвода разведроты. И, как офицер спецназа военной разведки, тоже кое-чему обучен. И что из того? Что тебе надо, я не очень понял.

Он начал терять терпение, это я понял по его лицу даже в полумраке.

– По твоей инициативе выгнали с работы хорошего профессионала – женщину, на которую ты пожаловался...

Это уже походило на обвинение. У меня было, что сказать в свое оправдание. Но оправдываться мне не хотелось – слишком унижительно. Я только ответил:

– А кто тебе сказал, что эта женщина была хорошим профессионалом? Она явно работала не на своем месте. Таких, как она, от детей надо поганой метлой гнать...

Честно говоря, я сам спровоцировал его на удар. Но я почему-то рассчитывал на прямой удар правой рукой. Видимо, исходил при этом из его фигуры – широкие плечи, длинные руки и узкая талия. С такой фигурой люди обычно предпочитают бить прямыми ударами. И потому чуть не пропустил «двоечку»⁴, которая традиционно начинается с левого «джеба»⁵. Однако в последний момент сумел среагировать: от левого прямого уклонился чуть-чуть вправо, так, что его кулак прошел рядом с моим ухом, чуть задев его, а прямой правой отбил предплечьем левой руки, применив традиционную китайскую боевую систему «вин чун». И сразу же, как и полагается в этой системе, нанес свой встречный удар – основанием ладони под основание носа, в место, где завершается верхняя челюсть и начинается собственно нос. У моего противника нос был крупноват, в такой нос проще попасть. Удар по верхней челюсти вообще редко применяется, хотя верхняя челюсть находится ближе к мозгу человека, и сильнее, и быстрее передает влияние самого удара, а нос при ударе основанием ладони часто сразу ломается, тем более если он крупный. И начинает при этом сильно кровоточить. Может быть, моему противнику хватило бы и этого удара, но я воспользовался своим телосложением и тем, что противник оказался на короткой дистанции, с которой ему, обладателю более длинных рук, бить было,

⁴ «Двоечка» – сдвоенный прямой удар левой-правой. Левша бьет наоборот – правой-левой.

⁵ «Джеб» – прямой удар рукой.

в отличие от меня, неудобно, и добавил еще один удар – левый боковой, которым, как я сам иногда говорю, способен слона убить. Левый боковой попал точно в то место, куда я и бил – где челюсть соединяется с желваком. Там наиболее слабое соединение, и вся правая часть нижней челюсти рассыпается на семь осколков. Как правило, этого удара хватает любому, вне зависимости от весовой категории. Хватило и моему оппоненту. Он рухнул на асфальт, раскинув в стороны руки, одну из которых умудрился мирно и ровно уложить на скамейку. Нокаут был чистый, стопроцентный. Парень даже не застонал. Просто отключился, словно на него метеорит упал.

Я посмотрел по сторонам – все-таки после недавнего заседания военного трибунала мне не очень хотелось снова предстать перед судом и сесть хотя бы на пятнадцать суток за мелкое хулиганство с использованием навыков рукопашного боя. И мне показалось, что у соседнего, второго, подъезда нашего большого дома стоит та самая бывшая воспитательница детского сада и наблюдает за нами. Но, поймав мой взгляд, женщина сразу прошла под козырек крыльца, где мне ее стало уже не видно за пилоном, отделяющим вход в подъезд от двери мусоропровода. Дом у нас новый, не так давно заселенный, и мы, жильцы, еще не знаем друг друга, тем более если живем в разных подъездах. И я подумал, что женщина издала, и тем более в вечернем сумраке, при свете слабой лампочки над подъездной дверью, просто похожа фигурой на бывшую воспитательницу. И двинулся было домой. Но, когда я уже открыл дверь подъезда, мой противник зашевелился, перекатился на бок, и из кармана его длинной куртки что-то выпало. Я зачем-то вернулся, наклонился ниже, и увидел, что выпал нож. Признаться, я с детства питаю уважение к ножам. У меня дома даже висит на ковре коллекция ножей из разных регионов бывшего СССР. Я взял нож, рассмотрел и бросил в куст рядом. Меня нож ничем не заинтересовал. Обыкновенная самоделка, причем не самая качественная. И даже сталь лезвия дрянная, что я успел проверить, ударив по острию ногтем указательного пальца.

Я спокойно зашел в свой подъезд, и только в лифте, где освещение было более ярким, нежели на этажах или на лестнице, заметил, что мой офицерский бушлат забрызган кровью из разбитого носа парня-даргинца. Поднявшись к себе на четвертый этаж, я не стал открывать дверь своим ключом, а нажал кнопку звонка. Открыла Лариса. Сразу увидела кровь на бушлате.

– Что это? – обеспокоенно спросила она. – Ты упал? Ударился?

Она сама три года назад зимой поскользнулась, упала и сломала ногу. С тех пор постоянно боится, что ее примеру последую и я. Все-таки она почти месяц проходила в гипсе, что ей прилично надоело.

– Нет. Только ударил, – я показал ей свою ладонь. Как раз то место, которым нанес удар. При ударе ладонью нет возможности повредить себе пальцы. Я даже жену научил так же бить. Конечно, резкости и общей массы тела ей откровенно не хватало. Да и траектория самого удара была чисто женской, с обязательным размахом, от которого я ее отучить так и не сумел. Тем не менее какого-нибудь щуплого мужичка и она могла бы «срубить», хотя и сама была среднего для женщины роста и довольно щупленькой.

– Кого опять? – спросила Лариса.

Слово «опять» здесь важной роли не играло, поскольку дрался на улице я редко и чаще по принуждению. Пришлось рассказать ей про инцидент в детском садике, произошедший три дня назад, про который я ей не рассказывал, оберегая ее спокойствие, про угрозу воспитательницы и проявление этой угрозы в реальной жизни.

– А что я должен был сделать? – спросил я. – Позволить избить себя?

Лариса успокоилась.

– Ты все правильно сделал. Снимай бушлат. Я кровь застираю.

Я быстро переоделся в гражданскую одежду.

– А где он? – последовал между тем вопрос, означающий продолжение разговора.

– Не знаю. Наверное, уже встал и домой пошел. Не век же ему у подъезда разлеживаться. Отдохнул, пора и честь знать...

– Домой – это к воспитательнице?

– Заведующая сказала, что он у нее живет.

– Ты теперь осторожнее по улицам ходи. А то налетят человек десять с арматуринами или с монтировками, и ты сделать ничего не сможешь.

– Убегу. Шпана меня не догонит. До военного городка напрямую недалеко. А там бойцы подготовленные, в случае чего поддержат... Вот тебе я советую по сторонам смотреть чаще. Хотя дагестанцы с женщинами не воют, но типы всякие попасться могут.

Глава третья. Старший лейтенант Варфоломеев. Новое обвинение

Дома я от силы успел побыть сорок минут. Поужинал и играл с дочерью, когда раздались четыре подряд требовательных звонка в дверь.

– Кто это? – спросила Лариса, коротко глянув на меня.

– Понятия не имею... – ответил я и встал, потому что сидел на полу.

Позвонили еще два раза, после чего строгий и требовательный голос произнес:

– Откройте, полиция. Не откроете, мы вынуждены будем взломать дверь. Мы знаем, что вы дома. У вас свет в окнах горит.

Я подошел к двери, посмотрел в «дверной глазок» и сразу убрал голову. В «глазок» смотрел пистолетный ствол. Но выстрела не последовало, и я услышал только гомерический хохот – кто-то по-детски радовался своей неуместной и совсем не своевременной шутке. Однако именно по хохоту я и узнал шутника. Хохотал, вне всякого сомнения, старший лейтенант Севастьянов, командир нашего взвода связи. И я смело открыл дверь. За дверью в самом деле стоял старший лейтенант Севастьянов, а позади него какой-то лейтенант, кажется, из резерва нашего батальона, но, может быть, и из резерва бригады, точно я не помнил, но раньше я его уже видел на каких-то занятиях. Это точно, память на лица меня еще никогда не подводила.

– Стрелять следовало раньше, – заметил я мрачно. – Через «глазок» пуля еще пройдет, а вот через металлическую дверь может и не пройти. Дверь-то из двух листов стали состоит. Первый лист пробьет и может свернуть куда-то в сторону. Во второй лист плашмя ударит, и в человека за дверью не попадет. В лучшем случае ребра ему сломает.

– Давай проверим! – завелся старший лейтенант и снова вытащил из кобуры пистолет. И я тут же уловил активно идущий от него запах спиртного, хотя о его состоянии можно было бы догадаться раньше.

– Убери оружие, – потребовал я. – Мне в подъезде только стрельбы и не хватало.

Но он, кажется, завелся основательно.

– А что, проверим, и все. Никто даже не поймет, в чем дело, – настаивал Севастьянов. – В худшем случае решат, что у кого-то люстра свалилась.

– А новую дверь потом за твой счет ставить? – нашел я нужный аргумент, вовремя вспомнив, что Алексей Севастьянов жадноват. Вернее, не он жадноват, а его жена попросту жадна. Алексей, видимо, подумал, что менять металлическую дверь в квартире бывшего командира в его планы не входит, и решил этот вопрос оставить открытым.

– Опасаешься ночь провести с дырявой дверью... Ну-ну... У вас здесь в самом деле район беспокойный. То убьют кого-то у подъезда, то газеты в почтовом ящике подожгут, то еще что-нибудь... А могут и в квартиру через дыру в двери забраться. Обкрадут, пока ты спать будешь...

– А кого убили-то? – спросила Лариса, проявив обычное женское любопытство. – У какого подъезда?

– У вашего... Вот только сегодня. С час назад, наверное. Дагестанца какого-то зарезали... Я же к вам уже во второй раз прихожу. Сначала подхожу, вижу две машины полиции стоят и «Скорая помощь». В «Скорую» носилки грузят. Голова человека простыней закрыта. Я подошел, простыню с лица снял. Вижу, лицо со сломанным носом все в крови. «Ну, – говорю, – хорошо к тебе, парень, кто-то приложился. Кулак собственный не пожалел». И тут ко мне подскакивает с окровавленным ножом в руках какой-то ментик, лейтенантик, судя по возрасту и по носу-«картошкой». С таким носом на высокие чины надеяться не следует. «Вы его знаете? –

спрашивает. – Он в этом подъезде жил?» – «А я откуда знаю, где он жил, – отвечаю. – Я только к сослуживцу в гости заглянуть решил. Но, раз такое дело, надо в магазин сначала зайти... Взять что-нибудь, парня помянуть». Пошел в магазин, а там Славика встретил, – Алексей кивнул в сторону лейтенанта. – Мы с ним сразу и помянули... А теперь твоя, сослуживец, очередь в магазин бежать. Да он у тебя рядом, в соседнем доме. А мы пока отдохнем, жену у тебя отбить попробуем.

Савостьянов начал снимать верхнюю одежду.

– Извини, Леха, ты же знаешь, что я не употребляю. Тем более не поминаю незнакомых. – Я в самом деле пил в последний раз в самолете, когда в свой батальон возвращался. Наверное, Леха это помнил, потому и пришел. Я же, кажется, при нем несколько бутылок водки покупал. Вот он и решил, что я втихаря продолжаю. – Я зарок себе и жене дал, что больше к спиртному никогда не притронусь, даже по праздникам.

– Дал зарок... – подтвердила Лариса. – Обещал... Поклялся памятью родителей...

А вот этого я не помнил, чтобы я клялся, но вполне допустил, что Лариса решила так Севастьянова вместо с бутылками от нашего дома отвадить.

Леха только пожал широченными плечами и повернулся в сторону так и стоящего за его спиной лейтенанта:

– Пошли, Вячеслав, нас здесь не принимают, как я понял, – он снял с вешалки свой бушлат и набросил его на плечи.

Лейтенант, кажется, был даже рад такому повороту событий, он только лишь сказал:

– Извините. До свидания, – и быстро пошел в сторону лестницы.

Леха же Севастьянов, пьяно растопырив ноги, остановился около лифта и нажал кнопку вызова. Он, оказывается, не любил не только подниматься, но и спускаться по лестнице.

* * *

Офицеры ушли. Лариса закрыла дверь.

– Ну, что скажешь? – спросила она меня, и я сразу понял суть ее вопроса.

– А что я могу сказать. Только одно – я его не убивал. Нос и челюсть я ему сломал. – Я посмотрел на свою левую руку, на которой осталась ссадина от удара в челюсть. Потом на правую, на которой ссадины не было, но рука после удара слегка припухла и побаливала. – А вот лежачего добивать вообще не в моих правилах. Тем более ножом, как скотину. Я так даже бандитов не добивал ни разу.

– Я тебе верю... – Она сложила руки под подбородком и прижалась к моей груди, словно просила, чтобы я ее обнял.

– Но кто же его? – спросил я сам себя, отодвигаясь от Ларисы.

В дверях маленькой детской комнаты стояла Люся и, наклонив набок голову, как обычно, молча наблюдала за нами... Почему-то при дочери я стеснялся обнимать жену. Я прошел к дочери в комнату, где на полу было расстелено большое ватное одеяло, на котором были разбросаны ее игрушки, и наклонился, чтобы их поднять. И в этот момент в дверь опять позвонили так же, как звонил перед этим старший лейтенант Севастьянов – требовательно, и снова четыре раза, а через короткий промежуток еще дважды.

– Иди, опять к тебе. Эти же, видимо... – сказала из прихожей Лариса, подумав, что старший лейтенант зачем-то вернулся. – Что-то сказать забыли.

– Откройте, – произнес грубый голос, отдаленно напоминающий голос Севастьянова. – Полиция. Мы знаем, что вы дома. Не вынуждайте нас ломать замок в двери.

– Повторение шутки не вызывает даже улыбки... – хмуро заметил я.

Повторялось то же самое, что и во время прихода старшего лейтенанта. Только я уже не стал заглядывать в «дверной глазок», а сразу распахнул ее. На пороге стоял наш участковый,

с которым я недавно познакомился, когда у нас в подъезде подожгли газеты в чем-то почтовом ящике, и он ходил по квартирам, опрашивал жильцов на предмет присутствия постороннего «молодняка» на этажах, а за спиной участкового стояли двое в штатском и четыре бойца СОБРа с автоматами на изготовку.

– Варфоломеев Владимир Викторович? – спросил меня участковый.

– Он самый, – ответил я, чувствуя приближение новой беды.

Из-за спины участкового, отодвинув его рукой в сторону, выступил крупный мужчина, на голову выше меня. Второй гражданский был намного моложе первого, ниже меня ростом, с носом-«картошкой» и саркастической улыбкой Вельзевула.

Первый раскрыл у меня под носом удостоверение и махнул им так, что мое лицо обдало ветром. Но прочитать что-то в удостоверении я просто не успел. Впрочем, человека в гражданском это, видимо, не сильно и беспокоило. Он представился:

– Майор полиции Инокентьев Роман Ильич, – и повернулся к своему спутнику в гражданском, словно предоставляя тому слово.

– Лейтенант полиции Морозов Анатолий Юрьевич, – представился напарник майора и повторил фокус с удостоверением. Только его движения были более резкими, и лицо мне обдал более сильный ветерок.

– Разрешите в ваши документы заглянуть... – попросил я. – А то вы так быстро ими машете, что я ничего увидеть не успеваю.

– Это всегда пожалуйста, – ответил майор вполне, впрочем, добродушно, раскрыл свое удостоверение и показал мне, не передавая в руки.

Я прочитал вслух больше для жены, чем для себя, чтобы она знала, где меня искать, к кому обратиться в случае необходимости:

– И правда, майор полиции Инокентьев Роман Ильич...

Лейтенант с великим неудовольствием показал свое удостоверение, словно стеснялся своего звания. Я прочитал вслух и его данные:

– Лейтенант полиции Анатолий Юрьевич Морозов. Вот теперь все в порядке. Итак, чем могу быть полезен нашей доблестной полиции?..

– Вы, гражданин Варфоломеев, задержаны по подозрению в убийстве гражданина Багомедова Манапа Мухамедовича, вот, попрошу ознакомиться с постановлением о задержании. – Лейтенант протянул мне лист принтерной распечатки, в который я только заглянул, но читать не стал.

– А кто такой, – спросил я встречно, – Багомедов Манап Мухамедович? Я впервые слышу про такого.

На самом деле фамилия была мне знакома. Она очень часто звучала на заседании военного трибунала. Но того Багомедова звали, если не ошибаюсь, Рустам Саидович. А кто такой Манап Мухамедович, я не знал.

– И будете утверждать, что не убивали... – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес майор Инокентьев.

– Естественно, буду утверждать...

– Однако ваши отпечатки пальцев обнаружены на рукоятке ножа, которым был убит Манап Мухамедович. Кроме того, в отдел полиции поступил звонок от женщины, которая не пожелала себя назвать. Она видела из окна момент драки и собственно убийства.

– И как давно наши славные органы верят анонимным звонкам? – спросила Лариса, стоящая рядом.

– С тех самых пор, – ответил лейтенант, – как нам объяснили, что человек не желает по какой-то причине ссориться с соседями и опасается мести. Тем более если этот человек – слабая беззащитная женщина, в одиночестве, без мужа, воспитывающая ребенка.

– Это кто вам объяснил? – поддержал я жену. – Звонившая?

– А если бы даже так? – вопросом на вопрос ответил мне лейтенант.

– А если она лицо заинтересованное? – спросил я.

– Но отпечатки пальцев-то... На рукоятке ножа...

– А откуда у вас, кстати, могут быть мои отпечатки пальцев?

– Из Всероссийской базы данных, – коротко ответил лейтенант и довольно неприятно улыбнулся. – Насколько следствию известно, вы совсем недавно были подвергнуты наказанию за то, что отдали приказ расстрелять главу сельской администрации Багомедова Рустама Саидовича, родного дядю убитого сегодня Манапа Мухамедовича. И у вас сняли отпечатки пальцев, которые теперь хранятся в компьютерной базе МВД России. Мы сразу проверили. Отпечатки совпадают.

– У меня брали отпечатки только в Дагестане.

– Какая разница. База-то одна, всероссийская. А Дагестан – часть России. И потому я сразу предлагаю вам написать «явку с повинной», проявите мужской характер русского офицера. В любом случае вам не отвертеться. Улики-то... Никуда от них не денешься.

А вот о мужском характере русского офицера ему говорить не стоило. И относительно отпечатков пальцев тоже.

– Что касается мужского характера русского офицера, то не какому-то лейтенантику полиции, не участвовавшему ни в одном настоящем бою, это мне говорить, – ответил я довольно грубо и с вызовом. – А отпечатки пальцев на оружии убийства в данном конкретном случае являются только косвенными уликами. Я мог брать нож в руки и до момента убийства, мог и после. Вам просто неизвестны все обстоятельства происшествия. И вы даже арестовать меня с такими уликами на руках не имеете права.

– Но имеем право задержать вас на семьдесят два часа, – возразил майор. – То есть на трое суток. Что и отмечено в постановлении на задержание. А уж за трое-то суток мы что-нибудь да найдем... Или вы сами сознаетесь. У нас в отделе сегодня толковый дознаватель дежурит. У него все виновные сознаются. Так что – будьте готовы. А пока собирайтесь, поедем в райотдел. Знакомиться с дознавателем.

– Как скажете, товарищ майор... – пожал я плечами. Но домой-то меня, надеюсь, привезут тоже на машине?

Инокентьев только хмыкнул в ответ.

В сопровождении майора и жены я прошел в комнату и стал переодеваться.

– Принеси, пожалуйста, мой бушлат, – попросил я Ларису.

– Он еще не просох полностью.

– Все равно принеси...

Она сходила в ванную комнату и принесла мой бушлат, как он и висел, на вешалке. Вешалку я перевесил в шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.